

УДК 327(075.4)
ББК 66.4
К82

Издание подготовлено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)»

Рецензенты:

Ватлин А.Ю., доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Истомин И.А., кандидат политических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Кривопалов А.А., Вершинин А.А.

К82 Путем великой державы: очерки сравнительной истории стратегических культур России и США в XX веке : монография / А.А. Кривопалов, А.А. Вершинин. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 405 с.

ISBN 978-5-16-020596-0

В исследовании стратегической культуры выбор в пользу жанра очерков не будет случайным. Если стратегия и политика отличаются конкретностью своего предмета, то стратегическая культура принадлежит к числу достаточно абстрактных понятий, которые с трудом укладываются в формат строгих академических исследований. Она лежит ближе к здравому смыслу, чем к научной теории. Культура регулирует поведение индивидов и сообществ. Невозможно представить государственное управление, внешнюю политику или подходы к ведению войны, не опосредованные культурными установками. В качестве устоявшейся системы взглядов стратегическая культура является порождением конкретного бюрократического уклада. Это равнодействующая ведомственных традиций, непостоянных как внутри себя, так и с точки зрения влияния на общее решение. Она созревает в скучной повседневности ведомственного делопроизводства. Хотя русская стратегическая культура XIX века была созвучна общеевропейскому эталону, в следующем столетии последовал глубокий разрыв с традицией коллективного Запада. В сознании лидеров советского государства сложилась новая система представлений о внешнем мире и путях выстраивания отношений с ним, которая прошла закалку в горах Второй мировой войны. Казалось бы, факт сокрушительного поражения СССР в холодной войне невольно превращает изучение его стратегической культуры в анамнез. Между тем развитие потенциала ракетно-ядерного сдерживания является той темой, на материале которой стратегическая культура раскрывает себя наилучшим образом. СССР и США оказались в равной мере бессильными преодолеть парадоксы ядерной стратегии, что во многом обусловило напряженный и подчас драматичный ход противостояния двух сверхдержав.

УДК 327(075.4)
ББК 66.4

ISBN 978-5-16-020596-0

© Кривопалов А.А.,
Вершинин А.А., 2025

Ленин: политика вместо стратегии

Просто-напросто все государства, несмотря на все балансы в бюджетах и на «отсутствие дефицитов», un beau matin запугаются окончательно и все до единого пожелают не заплатить, чтоб всем до единого обновиться во всеобщем банкротстве.

Ф.М. Достоевский. «Подросток».

Вызов империализма

В начале XX в. традиционный стратегический дискурс великих держав переживал глубокий кризис. Институциональный каркас внешней политики выглядел по-старому: та же европейская пентархия, где место старой Пруссии заняла молодая Германская империя, та же система негласных правил поведения, которую пытались соблюдать игроки, та же кабинетная дипломатия, кулуарно вершившая судьбы континента. Однако в нем уже были видны трещины. На право членства в клубе великих претендовала не только Италия с ее относительно скромным весом в европейских делах, но и государства, ранее практически не фигурировавшие в мировых раскладах. Хотя США и Япония все еще оставались периферийными игроками, их возможности и амбиции быстро росли. Вместе с амбициями возникало и чувство отягощенности прежними порядками. Внутри пентархии складывались новые военно-политические блоки, переходившие к долговременной борьбе. Многоаспектность и системность этого противостояния требовали нового аппарата принятия решений: дипломатия в духе Венского конгресса все хуже справлялась со своими задачами.

Ускорявшийся темп трансформаций окружающего мира под влиянием поднимающегося модерна коренным образом менял те базовые категории, с опорой на которые правители в течение двух с половиной веков выстраивали отношения друг с другом, и в первую очередь центральную из них — представление о пространстве. Мир Европейского концерта XVII–XIX вв. оставался небольшим, сводясь фактически к территории Старого света. Попытки некоторых историков изобразить Семилетнюю войну и Наполеоновские войны мировыми конфликтами интересны лишь как творческий эксперимент: сражения, которые разворачивались в Северной Америке, на Ближнем Востоке, в Индии, имели крайне незначительное влияние на общий исход борьбы. Европа как стратегический театр была хо-

рошо освоена: после полноценного включения России в континентальную политику в первой половине XVIII в. он сохранял свою конфигурацию на протяжении полутора столетий. Мир оставался европоцентричным. Материки и океаны были давно нанесены на карты, но в коллективном сознании обитателей западной ойкумены они долго оставались тем же географическим зазеркалем, что и пятьсот лет назад.

Железные дороги, пароходные линии, телеграфные провода за какие-то 30 лет покончили с этим, завершив то дело, которое начали Колумб с Магелланом. Осязаемое пространство европейца и американца стремительно вбирало в себя новые территории, делая их объектом политического, хозяйственного и культурного освоения. От резко раздвинувшихся горизонтов захватывало дух. Президент США У. Грант в своей второй инаугурационной речи в 1873 г. лишь констатировал факты, говоря: «Торговля, образование, ускоренное движение мысли и материи посредством телеграфа и пара изменили все. Я скорее поверю, что великий Создатель готовит мир к тому, чтобы тот однажды стал единой нацией, говорящей на одном языке»¹. Писатели-фантасты, художники, естествоиспытатели с энтузиазмом описывали новую реальность. К. Маркс был вынужден признать, что экспансия вширь открыла в капитализме новые потенции и позволила ему «вторично пережить свой шестнадцатый век»². Он явно обретал второе дыхание, становясь (Маркс впервые использует этот термин) фундаментом глобализации³.

Политико-философская мысль тогда же породила феномен геополитики — учения о пространстве как ключевом факторе развития человеческой цивилизации. Его последователи мысленно «расколдовывали» пространство, превращая его в действующее лицо исторического процесса. Эту идею несколько позже разовьет автор наиболее «геополитически выверенных» произведений эпохи — Дж. Р. Толкин. Как поясняет современный германский исследователь, во «Властелине колец» «термин “геополитика” используется буквально и демонстрирует, что Земля... сама выступает как политический субъект, то есть принимает чью-то сторону и становится другом для одних, врагом для других. Мир как физическое целое... это не нейтральное пространство, опосредующее человеческую или общественную дея-

¹ President Ulysses S. Grant's Second Inaugural Address (March 4, 1873). URL: <https://www.nps.gov/articles/000/president-ulysses-s-grant-s-second-inaugural-address-march-4-1873.htm> (accessed: 07.02.2024).

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 29. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. С. 295.

³ *Аттали Ж.* Карл Маркс: Мировой дух. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 192.

тельность, а важнейший фактор господства»¹. Пространство в геополитике — это вырвавшийся на свободу дух, который должен либо быть поставлен на службу, либо превратиться в смертельного врага. Его больше не сдерживало представление о естественных границах, которое являлось ключевым фактором в стратегических построениях Ришелье или Меттерниха. А. Тойнби в 1916 г. писал о них как об эффемизме, произвольно намечаемой черте, которая лишь оправдывает ничем не ограниченную экспансию².

Новой картине пространства соответствовало и новое представление о возможном. В XVII–XVIII вв. фундаментом внешней политики европейских держав оставалась экономика, в целом по-прежнему носившая традиционный аграрный характер. Предоставляемые ею ресурсы для ведения войн и переформатирования границ были относительно скромными. Численность выводимых в поле армий плавно росла, однако уже в начале XVIII в. достигла своего потолка. Политици времен раннего Нового времени представляли собой рыхлые управленческие структуры, располагавшие ограниченным инструментарием контроля над территорией и населением. Медленным оставался и технический прогресс в области вооружений. Французский военный мыслитель и историк М. Гойя приводит в этой связи такое сравнение: «Армия Веллингтона при Ватерлоо немногим отличалась от армии Мальборо при Мальплаке, сражавшейся на расстоянии в 70 км от нее, но 106 годами ранее. В столкновении между ними первая, разумеется, имела бы некоторое преимущество, но исход сражения оставался бы не предрешенным. В то же время Веллингтон и его солдаты были бы за несколько минут сметены армией генерала Хорна, вошедшей в Бельгию, спустя 103 года после Ватерлоо»³.

Государства-нации, закалившись в огне революций, продемонстрировали чрезвычайно эффективный потенциал насаждения социального и культурного единообразия, а также стимулирования экономического развития. Поставив себе на службу национализм и капитализм, они смогли добиться беспрецедентно высокого уровня общественной консолидации, сохраняя при этом потенциал контроля обширных территорий, что было не под силу политическим образованиям предыдущей эпохи⁴. Институт всеобщей воинской обязан-

¹ Werber N. Geopolitik zur Einführung. Hamburg: Junius, 2022. S. 15–16.

² Toynbee A.J. The New Europe: Some Essays in Reconstruction. London: Dent, 1915. P. 39.

³ Goya M. S'adapter pour vaincre. Comment les armées évoluent. Paris: Perrin, 2019. P. 7.

⁴ Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 152–182; Тилли Ч. Принуждение, ➔

ности позволил призывать под ружье многочисленные контингенты, что в разы увеличило количественный состав вооруженных сил. Проникновение научно-технической революции в область военного строительства сделало мощь дивизий проекцией промышленного могущества державы и создало предпосылки для гонки вооружений. Вооруженные силы превращались в сложный механизм, обладающий самодовлеющей логикой функционирования, которую приходилось учитывать правителям и дипломатам. Проблема мобилизационной подготовки и стратегического развертывания армии все больше влияла на вырабатываемые планы и принимаемые решения.

Внешняя политика и стратегия на протяжении столетий оставались сферой личной прерогативы правителей. Еще в конце XVIII в. их персональные взгляды и цели, симпатии и антипатии определяли курс страны на международной арене в гораздо большей степени, чем абстрактные представления об общем благе, которые к этому времени активно циркулировали в публичном пространстве. Главное, на что ориентировался монарх — это преумножение авторитета правящей династии. «Участившиеся обращения к *raison d'état*, — поясняет британский историк Н. Хеншелл, — вовсе не свидетельствуют о реальном существовании в этот момент какой-либо государственной необходимости. В устах Фридриха II и Екатерины II такие высказывания просто оправдывают их династические амбиции. Эгоистические цели казались более возвышенными, если преподносились как стремление к высшему благу государства. Раздел Польши представлял собой типичное укрепление династий, аккуратно замаскированное новой идеологией баланса сил»¹. Такие эпизоды, как обращение Людовика XIV к подданным в наиболее тяжелый момент войны за Испанское наследство в преддверии судьбоносной для Франции битвы при Мальплаке в 1709 г. или памятное воззвание Петра I к войскам накануне произошедшего почти одновременно с ней Полтавского сражения, являлись исключениями из правила, говорившими скорее о стиле правителей, чем об их базовом целеполагании². Монарх объявлял, вел и завершал войны единолично, являясь зачастую дипломатом и полководцем в одном лице.

Поднимавшийся национализм многое изменил: в XIX в. внешнеполитический курс уже требовал легитимации со стороны общественного мнения. После войн революционной Франции ни один сколько-нибудь заметный вооруженный конфликт на континенте

➤ капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. С. 172–176.

¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма... С. 184–185.

² Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. С. 637–639.

не протекал без его участия. Однако элитам вплоть до конца столетия удавалось управлять процессом. Образ врага и массовый патриотизм, как правило, помогали реализации внешнеполитических задач и одновременно достраивали националистический дискурс. При этом перспектива демократизации сферы принятия внешнеполитических решений уже просматривалась. Так, позиция славянофильски настроенного общественного мнения стала одной из важных причин вступления Российской империи в войну с Турцией в 1877 г.¹ По мере того как публичная сфера росла и усложнялась, дипломатам было все труднее работать по-старому: интересы общественности и отдельных групп населения, потребности экономики и национального имиджа преломляли внешнеполитический курс, создавая для него целый ряд стимулов и ограничений.

Новые вызовы подрывали фундамент Европейского концерта, на протяжении нескольких веков задававшего институциональную рамку для стратегической конкуренции. В период рассвета он являл собой систему, главной целью которой было поддержание равновесия между великими державами. Его участники обладали по умолчанию равными правами и возможностями. Они могли претендовать на территориальные или материальные компенсации в случае «перекаса» баланса сил, выдвигать требования возмещения прямых и косвенных потерь, понесенных в результате действий соседей, заключать краткосрочные ситуационные альянсы. При этом членов Концерта объединяло чувство принадлежности к единой «семье», лояльность которой доминировала над узко понимаемым стремлением к гегемонии. Действуя «по правилам», они не только соблюдали свой национальный интерес, но и укрепляли общее благополучие и безопасность, разделяя таким образом минимальный единый набор ценностей². Как отмечает Г. Киссинджер, «принцип равновесия сил пришел на место ностальгии по универсальной монархии и давал то утешение, что каждое в отдельности государство, преследуя собственные эгоистические интересы, тем или иным образом будет способствовать безопасности и прогрессу всех прочих»³.

«Несущие конструкции» Концерта не были готовы к тому удару, который по ним нанес рост современного империализма. Этот феномен возник на стыке новой идеи пространства и представлений о возмож-

¹ *Айранетов О.Р.* История внешней политики Российской империи, 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III, 1855–1894 гг. М.: Кучково поле, 2018. С. 343.

² *Schroeder P.W.* The Transformation of European politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 8–9.

³ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 47.

ностях современного государства. «К 1870-м годам, — пишет об этом Д. Ливен, — в головах европейских политиков и публичных интеллектуалов начало складываться убеждение, что положение ведущего европейского государства само по себе не достаточно для того, чтобы закрепить за великой державой ее статус в XX в. ...Только страны, обладающие ресурсами континентов, смогут претендовать на это звание»¹. Подобный императив легитимировал цели неограниченной экспансии за пределами Старого света. При этом категориальный аппарат империи, складывавшийся на протяжении веков, применялся для описания принципиально иной реальности. Основоположник учения об империализме британец Дж. Гобсон указывал, что Римская империя, во многом модельная полития имперского типа, была интернациональным образованием, «федерацией государств под гегемонией одного из них, обнимающей весь известный и признанный мир»². «Современный империализм, — писал он, — отличается от империализма былых времен, во-первых, тем, что честолюбивые стремления создать единую могучую империю уступили место теории и практике соперничающих между собой империй, из которых каждая охвачена одними и теми же вожделениями политической экспансии и коммерческой наживы»³.

Империализм как модель поведения на международной арене решал задачу приспособления государств-наций к картине резко расширившегося мира, поиска адекватной ему формы политического существования. Он также являлся проекцией национализмов вовне: участие в борьбе «за место под солнцем» позволяло нации обрести новую идентичность через идею собственной исключительности и восприятие «цивилизаторской миссии»⁴. «Способность присутствовать в любом уголке земного шара и влиять на его судьбы, уверенно навязывать собственную волю равным себе стала мерой универсалистской самоидентификации. Миллионы квадратных километров территории вытеснили превосходство законов и изящество искусств в качестве показателя образцовости»⁵. Антропология и биология учили тому, что господство белого человека над остальными

¹ *Lieven D.* In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History. London: Penguin Books, 2022. P. 381–382.

² *Гобсон Дж.* Империализм. Л.: Прибой, 1927. С. 22–23.

³ Там же. С. 242.

⁴ *Bayly C.A.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Maiden, MA: Wiley-Blackwell, 2004. P. 228–234.

⁵ *Gauchet M.* L'avènement de la démocratie. Т. II. La crise du libéralisme, 1880–1914. Paris: Gallimard, 2014. P. 291–292.

расами predeterminedено природой¹. Имперская идея несла в себе мощный заряд политической легитимности. Молодые национальные государства активно стремились обзавестись имперским статусом не только не бумаге, но и в реальности, а империи перешли к консолидации своего национального ядра².

Конкурирующие современные империи утрачивали представление о балансе сил. В прежнем виде этот базовый императив попросту не действовал: глобальная игра за право «перекройки политической структуры всего мира в условиях неограниченной военной, экономической, политической и культурной конкуренции»³, когда амбиции и возможности держав резко возрастали, делала его нерелевантным. Европейский концерт функционировал «до тех пор, пока в сознании политиков реальная польза от всеобщего мира перевешивала потенциальные выгоды от всеобщей войны»⁴. Кризисы первых лет XX в. показывали, что старая система сдержек и противовесов не справлялась с задачей купирования порывов ведущих игроков к мировому господству. К 1914 г. внешнеполитические программы, в первую очередь Германии, Франции и Российской империи, ставили своей целью коренное перераспределение влияния на европейском континенте, которое фактически исключало перспективу сохранения равновеликого конкурирующего центра силы⁵.

Элиты при всем своем консерватизме не могли не видеть сути происходивших изменений. В 1914 г., готовясь к экзамену на поступление на государственную службу, будущие российские дипломаты должны были осваивать книгу французского историка Э. Буржуа, предупреждавшего о том, что «трайбализация» национализма, усилившая его шовинистический компонент, исказила суть макиавеллиевского учения о государственном интересе и создала предпосылки для неограниченной экспансии держав вовне. Из работ Ф. Листа они узнавали о том, какое могущество дает в руки государства совре-

¹ Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель, 2013. С. 353–358.

² Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 109–110.

³ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 42.

⁴ Дегоев В.В. Внешняя политика России... С. 268.

⁵ Fischer F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf: Droste Verlag, 2009. S. 95–101; Soutou G.-H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix, 1914–1920. Paris: Tallandier, 2015. P. 27–30; Айранетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1914. М.: Кучково поле, 2014. С. 14–15.

менная экономика, поставленная на службу целям национального величия. Особое внимание уделялось трудам Ф.Ф. Мартенса, главного юриста министерства иностранных дел, который писал о вступлении мира в эпоху глобализации, открывавшей перед человечеством два пути — к гармоничному развитию во имя лучшего будущего или к сползанию в войну всех против всех, где любой, даже внутривнутриполитический кризис может вызвать эффект домино и спровоцировать международный конфликт огромных масштабов¹.

Перспектива выхода конкуренции империй из-под контроля ясно осознавалась. В распространенном в 1898 г. от имени Николая II обращении к правительствам стран мира, с которого началась работа по созыву Гаагской конференции 1899 г., отмечалась необходимость «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья»². Вопрос заключался в том, чтобы воспроизвести практики компромиссного решения военно-политических проблем, сложившиеся в рамках Европейского концерта, в мировом масштабе, выражаясь словами американского исследователя Г. Слуга — вновь «соединить многосторонний подход с моральным императивом, идеей постоянного и стабильного мира»³. Капитализм связывал человечество воедино, понимание общности вызовов современного развития постоянно укреплялось, порождая феномен транснационального гражданского общества, международное право претендовало на то, чтобы взять на себя роль, в прошлом отводившуюся дипломатам и солдатам.

Вместе с тем рост интернационализма как феномена воспринимался в качестве структуры «большой длительности», в то время как накалявшееся противоборство великих держав, отсылавшее к мобилизующим национальным мифам, генерировало целый спектр символов, пользовавшихся непосредственным спросом у элит и широких кругов общественного мнения. Европейские столицы активно втягивались в игру, правил которой до конца не знали. Их стратегическое поведение по-прежнему опиралось на старые схемы, многократно опробованные в XIX в. Итогом подобного заблуждения стало во многом неосознанное «соскальзывание» Европы к войне летом 1914 г. Как показал британский историк К. Кларк, каждый из игроков

¹ *Ливен Д.* Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М.: РОССПЭН, 2017. С. 145–148.

² Циркулярное сообщение министра иностранных дел пребывающим в Санкт-Петербурге представителям иностранных государств от 12-го августа 1898 г. // Правительственный вестник. 1898. № 178. 16 авг.

³ *Sluga G.* The Invention of International Order. Remaking Europe after Napoleon. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2021. P. XI.

предпринимал шаги исходя из расчета на то, что противоположная сторона, осознавая нежелательные последствия эскалации, воздержится от обострения, а участники коалиций будут ограничивать воинственность и амбиции своих партнеров¹.

В реалиях начала XX в. эти рецепты не работали. Предыдущее столетие установило определенный баланс между элементами клаузевицианской «триады войны», который в целом детерминировал стратегическую культуру Концерта: рационально ориентированная политика, контролируя настроения широких масс населения и подчинив себе энергию и волю военных, ставила перед великой державой достижимые и, как правило, легитимные цели. Поднимающийся империализм сместил базовые ценностные доминанты и тем самым лишил мировых игроков прежнего горизонта планирования, в то время как правила *Weltpolitik* лишь начинали складываться.

Стратегическая культура XVIII–XIX вв. во многом коренилась в мироощущении тогдашних европейцев. Действительная рациональность в ньютоновском духе, спланивавшая Концерт, выглядела столь же чужеродной эпохе тектонических трансформаций, как и описанный просветителями «гигантский статичный механизм управления вселенной, унаследованный из XVII в. и с тех пор усовершенствованный проникновением в новые сферы, [который] генерировал не только ощущение постоянства и предсказуемости, но и веру в изменение и прогресс»². Кризис естественных наук, упадок старой культуры парализовали систему воспроизводства смыслов, легитимировавших общественно-политический порядок. Поднимавшиеся идеологии, «светские религии», хотя и апеллировали к научной парадигме, но обосновывали свою претензию на всеобщность прямым обращением к массам и их демократическим инстинктам. Человечество на всех парах несло вперед, но ни направление движения, ни его цель не просматривались. Очевидцы эпохи вспоминали: люди жили в предощущении катастрофы как момента сингулярности, который даст миру новую точку отсчета³.

Отсюда — легкое, местами восторженное отношение к начавшейся войне, а также неготовность принять ее такой, какой она оказалась⁴.

¹ Clark C. *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. London: Penguin Books, 2012. P. 555–562.

² Hobsbawm E. *The Age of Empire, 1875–1914*. New York: Pantheon books, 1987. P. 244.

³ Ibid. P. 326.

⁴ Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. С. 589.

Быстро проявившийся тотальный характер вооруженного конфликта заставил политиков резко ослабить вожжи управления эскалацией: сначала им пришлось последовать за логикой мобилизационного планирования, усилив властные позиции военных, а затем сделать решающую ставку на национальные чувства широких масс населения, превратив их тем самым в субъект политического процесса. Дипломатический тупик в войне обозначился еще до того, как окончательным фактом стал военно-стратегический. Как точно отметил Г. Киссинджер, «к зиме 1914/15 года военная стратегия и международная политика лишились последних точек соприкосновения друг с другом. Ни одна из воюющих держав не осмеливалась и помыслить о компромиссном мире»¹.

Военные действия развивались согласно собственной логике, меняя по ходу сами цели противоборствующих коалиций, которые в итоге вышли за рамки любого целеполагания с позиции *raison d'Etat*. В огне конфликта окончательно сгорел не только старый миропорядок, но и традиционное представление о том, что внешняя политика отделена от внутренней и представляет собой этически нейтральную сферу государственной деятельности, ориентированную на реализацию рационализованного представления о национальном интересе. Глубокая идеологизация всей международной повестки, ранее сдерживавшаяся инерцией сложившихся институтов, стала объективной реальностью, вернув Европу в атмосферу, забытую со времен религиозных войн и раскатов Французской революции. Политика внешняя и внутренняя, идеология, культура, экономика, военная стратегия слились в единый дискурс о мире, который не допускал частностей, двусмысленностей, полутонов.

«Современный глобальный империализм, — отмечает британский историк А. Туз, — представлял собой новую радикальную силу и не был пережитком старого мира. По тому же отличительному признаку беспрецедентной представлялась проблема установления мирового господства “после империализма”... Война привела к возникновению не встречавшейся ранее проблемы мирового экономического и политического порядка, при этом исторической модели мирового господства, которая могла бы способствовать решению этой проблемы, не существовало»². Мировой конфликт оставил после себя руины, из которых предстояло собрать новую модель международных отношений. Но это было лишь половиной дела. Требовалось заново задать исходные данные для выстраивания взаимоотно-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия... С. 194.

² Туз А. Всемирный потоп... С. 42–43.

шений между странами и народами. Эта задача не решалась путем переписывания старых договоров и вообще едва ли была по плечу «профессионалам» — состоявшимся государственным деятелям или генералам. Она находилась на стыке политики и метафизики. Та сила, которая бы заполнила возникший вакуум новыми идеями, могла претендовать на статус глобального гегемона.

«Таинственная кривая ленинской прямой»

С общественно-политической, экономической или военной точек зрения Россия хуже других великих держав была подготовлена к вызову империализма, что наглядно подтвердила революция 1917 г. Однако в интеллектуальном плане в ее случае сказался тот же фактор низкой стартовой базы, который в конце XIX в. сделал Германию и США лидерами индустриального развития: заимствуя новейшие технологии и с нуля вводя в строй на их основе производственные мощности, немцы и американцы могли не думать об амортизации устаревших основных фондов, которые тянули вниз британскую или французскую экономики. Западные интеллектуалы в оцепенении наблюдали за крахом старого мира, будучи связанными с ним всеми своими корнями и отягощенными его идейным наследием, которое, как казалось, в одночасье обесценилось. Судорожная рефлексия о том, как это стало возможным, породила особый философский дискурс, облекшийся в политический эксперимент, который впоследствии лишь углубит полученную рану. Россия же в лице небольшой, но динамичной части своего образованного класса, была внутренне подготовлена к ситуации гибели богов. Более того, она ждала этого, желая донести миру собственное послание и дать, наконец, ответ на вопрос П.Я. Чаадаева о своем месте в мировой истории.

По образному выражению М.Я. Гефтера, «новейшая история подстегнула “генетические” задатки [России]. Будущее и прошлое соединились, и в фокусе оказался человек, которого до февральско-октябрьского перегона знало лишь считанное число сторонников и противников»¹. Сегодня можно уверенно утверждать, не умаляя при этом значения личных качеств В.И. Ленина, что превращение вождя большевиков в лидера новой России и в политика мирового масштаба вполне могло не состояться: его путь наверх стал возможен, во многом благодаря воле случая или стечению обстоятельств. При этом сохраняется вопрос: почему именно он, лучше многих других,

¹ *Гефтер М.Я.* Россия и Маркс // Гефтер М.Я. «Из тех и этих лет...». М.: Прогресс, 1991. С. 60.

Оглавление

К постановке проблемы (А.А. Кривопапов).....	3
Генезис концепции стратегической культуры (А.А. Кривопапов)	12
Стратегия vs. стратегическая культура	12
Стратегическая культура в американской политической науке	14
Эрозия концепции стратегической культуры.....	17
Стратегические культуры современного мира.....	20
Политические рамки американской стратегической культуры (А.А. Кривопапов)	27
Политика и стратегия.....	27
Роль и значение вооруженных сил в американском обществе.....	31
Стратегия в американских политических декларациях.....	37
Архетипы стратегических культур России и США (А.А. Кривопапов)	41
Америка о себе	41
«Сны о России»	49
Американский взгляд на архетипы советского стратегического мышления.....	53
Долгое эхо империи (А.А. Кривопапов)	57
Гармоничное сопряжение политики и стратегии.....	64
Фактор идеологии	75
Искусство не прямых действий.....	76
Ленин: политика вместо стратегии (А.А. Вершинин)	88
Вызов империализма	88
«Таинственная кривая ленинской прямой»	98
Горнило Брест-Литовска.....	108
«Москва... не теряет из виду историческую перспективу»	119
«Начало нельзя растянуть бесконечно»: возможна ли стратегия революционного государства?	131
Интеллектуальные истоки российской стратегической культуры и творческое наследие маршала Б.М. Шапошникова (А.А. Кривопапов)	145
Шапошников и судьба Генерального штаба в России.....	153
Шапошников и Сталин.....	156
Значение «Мозга армии» для стратегической культуры	160
Сталин: «маневрирование резервами» (А.А. Вершинин)	164
Советская стратегия глазами Исайи Берлина.....	164
Культура и стратегия.....	178
«Предельная динамика» на фоне «предельной статики».....	186
Сталин и Литвинов: конфликт стратегических культур	206

Прививка великодержавности: трансформации советской стратегической культуры в годы Второй мировой войны	240
Влияние стратегической культуры на развитие ядерного потенциала США (А.А. Кривопапов)	253
Становление американской стратегической авиации в доядерную эпоху.....	253
Ядерная стратегия США в начале холодной войны.....	267
Корейская война 1950–1953 гг. и доктрина массированного ядерного возмездия	277
Корпорация РЭНД и аналитическое сопровождение американской стратегии ...	286
Ядерная стратегия в эпоху Д. Кеннеди и Р. Макнамары.....	303
Схоластическое перерождение американской ядерной стратегии на исходе холодной войны	322
Влияние стратегической культуры на развитие ядерного потенциала СССР (А.А. Кривопапов)	334
СССР и травматический опыт тотальной войны.....	334
Рефлексия над советским опытом тотальной войны и осмысление стратегической роли ядерного оружия.....	337
Основные вехи становления советской ядерной доктрины	345
Противоречия и парадоксы советской ядерной стратегии	360
Стратегическая роль тактического ядерного оружия.....	367
Институционализация ядерной стратегии в связи с особенностями советской публичной сферы	374
Список использованной литературы	387